

как взрослых краеведов, так и старших школьников. Думается, интересно будет просмотреть газеты городские, районные и составить подобные хроники в населённых пунктах Свердловской области. Одна дополнит другую, создастся полная и яркая картина героических будней трудового Урала в военные годы.

-
1. Уральский рабочий. 1941. 23 июня. С. 2.
  2. Там же.
  3. Там же. 1941. 24 июня. С. 1.
  4. Там же. 1941. 25 июня. С.1.
  5. Там же. 1941. 8 июля. С. 3.
  6. Там же. 1941. 9 июля. С. 3.
  7. Там же. 1941. 24 июня. С. 1.
  8. Там же. 1941. 16 июля. С. 4.

Е. Н. ШУМИЛОВ

Школа энциклопедиста (воспоминания о работе над «Материалами по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии»)

Написать данную статью меня побудило одно серьезное обстоятельство: из активных участников создания «Материалов по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии» в живых сегодня остались двое — я и В. Г. Светлаков.

Прошло много лет, и в моей памяти уже стерлись многие детали. Но хорошо помню тот осенний день 1992 г., когда мы, заинтересованные темой лица, собрались в Пермском государственном университете (ПГУ) на кафедре профессора В. А. Оборина. Приехавший из Екатеринбурга «эмиссар» С. П. Постников нарисовал перед нами радужную картину нашего будущего сотрудничества с Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН. Забегая вперед, скажу, что в реалии получилось «как всегда»: екатеринбуржцы собрали для себя «дань» со всего Большого Урала и спокойно трудились над энциклопедией шесть лет. У пермяков же не оказалось источников финансирования. Неудивительно поэтому, что очень скоро с горизонта исчезли те, кто рассчитывал на энциклопедии заработать.

Остались единицы, в том числе я, бывший тогда соискателем ученой степени у В. А. Оборина.

Екатеринбуржцы предполагали, что работу Пермской комиссии возглавит профессор В. А. Оборин, но он отказался, предложив вместо себя Г. Чагина и как библиографа В. Инзельберга. Выбор оказался неудачным: ни тот, ни другой ничем себя в Пермской комиссии не проявили. Первый очень скоро отстранился от работы, второй лишь формально посещал заседания комиссии. Сразу же определилось место сбора «комиссаров» (членов комиссии) — кабинет В. Г. Светлакова, директора бывшего партийного архива.

Начальный этап — составление словника — прошел без меня. Я присутствовал лишь при его обсуждении, не являясь при этом членом комиссии. Словник меня удивил. Что только туда не внесли. Были даже статьи, не имеющие никакого отношения к Пермскому краю, например, археологические памятники Удмуртии (Дондыкар, Индакар, Мадланшай). Я пытался вразумить «комиссаров», но без результата. Среди присутствующих не было археологов, и никто не имел об указанных памятниках никакого представления. В разделе «Общественно-политические движения. Войны и революции» царил советско-коммунистический дух. Ничего не было сказано о других партиях и их видных представителях. Этот пробел я позднее восполнил. Заинтересовавшись указанной темой, потратил целый год на статьи о государственных, политических и общественных деятелях Пермской губернии за 1905—1919 гг. Позднее эти наработки были обобщены в отдельном справочном издании.

Вспоминается один эпизод. На очередном заседании комиссии речь зашла о художниках Сведомских. Присутствовавшая «дама от искусства» Т. Казаринова была против включения их в словник (статью о художниках предложила ее коллега по Пермской картинной галерее Е. Егорова). Я возражил Казариновой, хотя сам о художниках Сведомских имел смутное представление, а знал их только как владельцев помещичьего имения в Осинском уезде. Лавры первенства в воскрешении имени Сведомских, несомненно, принадлежат пермскому художнику-краеведу В. Дылдину. У него была заветная мечта (которая так и не осуществилась) побывать в Италии. Однако вместо него в Италию по линии Сведомских поехала... Т. Казаринова.

Обсуждение словника протекало следующим образом: чем громче и убедительнее будущий автор «столбил» свою тему, тем больше у него было шансов попасть в словник. Каждый из «комиссаров» вставлял в словник то, что знал сам, а не то, что следовало.

Кто-то предложил сделать самостоятельную «Пермскую энциклопедию» (ПИЭ) на 800–900 статей. Как первоначально должна выглядеть ПИЭ, можно судить по изданному в 1993 г. словнику.

Еще в 1980-х гг. я составил словник «Пермской исторической энциклопедии» и был единственным из пермских авторов, кто мог работать сразу по нескольким направлениям. Позднее я реализовал это к неудовольствию ряда авторов, заикленных на одной узкой теме. Некоторые из них, взяв на себя соответствующий раздел, оказались не способны реализовать проект. Не написав ни одной статьи, они смотрели на меня как на нежелательного конкурента. Для большинства пермских «энциклопедистов» работа закончилась на стадии словника.

Основной спор при обсуждении словника у меня был с С. Ф. Николаевым, преподавателем кафедры физической географии ПГУ. Тот составил список селений по одному ему ведомому принципу, совершенно не учитывая историческую значимость селений. Я же к тому времени подготовил и даже пытался издать энциклопедический справочник «Населенные пункты Пермской области» и был в этом вопросе сведущ. С большим трудом Николаев пошел на уступки, убрав часть своих селений или заменив на предложенные мною. За ходом прений с любопытством наблюдали члены комиссии Ю. Черных и В. Светлаков — «узкие специалисты», занимавшиеся в советский период историей комсомола и КПСС и весьма далекие от других тем.

В первом выпуске «Материалов...», вышедшем в 1994 г., основное место занимали населенные пункты, в написании статей по ним я принимал активное участие. Очень скоро выяснилось, что никто из авторов не способен написать полноценную энциклопедическую статью о селениях. В связи с этим стали стихийно возникать тандемы — Н. Степанов и Е. Шумилов, С. Николаев и Е. Шумилов и т. д. Если с кандидатом географических наук Н. М. Степановым у меня сложились хорошие партнерские отношения, то с С. Ф. Николаевым всё обстояло иначе. Заикленный на географии и ботанике, журналист по призванию, Николаев являлся «ботаником» в прямом и переносном смысле этого слова, поскольку не имел никакого представления об исторической значимости того или иного селения. Мне пришлось править и дополнять статьи почти всех авторов, включая и В. А. Оборина, при этом я вынужден был делиться с ними своими знаниями. Невершенные по содержанию тандемные статьи я отдал другим авторам. Но один населенный пункт (Усть-Кишерть) специально оставил без правки и дополнения, вставив лишь дату первого упоминания села в письменных

источниках. Статья «Усть-Кишерть» ярко характеризует С. Николаева как автора исторических статей (историей в ней и не пахнет). Были проблемы и с другими авторами. Статьи о родном мне Оханске написали А. В. Шилов и я. Комиссия выбрала мой вариант. Скоро у меня на работе раздался телефонный звонок: плачущим голосом Шилов напомнил мне о том, что «и мы пахали». Пришлось поставить под своей статьей о городе и его фамилию. Статью о селе Елово, сделанную на 90 % мной, С. Николаев «подарил» А. Шиллову.

Не хватало статей в разделе «Этнография». Этнограф Чагин предложил мне написать о пермских башкирах. Я, в свою очередь, осмелев, пообещал сделать статью и о пермских татарах. Обе статьи, к моему удивлению, появились в «Уральской исторической энциклопедии».

Когда машинопись первого выпуска «Материалов...» была готова, я попросил ее у С. Николаева на три дня. За это время, трудясь с утра до позднего вечера, довел ее до определенной кондиции: унифицировал тексты, исправил многие фактические ошибки, добавив в статьи свой материал. Когда Николаев увидел рукопись, то ужаснулся: она вся была в исправлениях. Ему пришлось заново перепечатывать ее на пишущей машинке. При перепечатке и печати «Материалов...» на ротаторе появились новые ошибки. Однако моя редакторская деятельность никем (кроме Николаева) не была замечена и отмечена. Все, видимо, решили, что это сделал один С. Николаев. После этого я не стал больше брать на себя роль редактора, а другого бесплатного редактора не нашлось. В результате второй выпуск «Материалов...», вышедший двумя изданиями, так и остался не отредактированным. Он изобилует огромным количеством опечаток и отличается «разношерстностью» статей. И здесь две мои статьи приписали В. Светлакову.

Не все предложенные мною статьи (а их я написал около 200) члены комиссии смогли оценить по достоинству и по сему отвергли. Ряд отвергнутых «комиссарами» статей (например, о русских ясашных крестьянах, осинских пахотных солдатах и т. д.) я отправил в Екатеринбург самостоятельно, и они были там опубликованы. Только позднее я осознал свою ошибку: надо было работать над статьями автономно от Пермской комиссии и посылать их напрямую в столицу Урала.

В первом издании «Уральской исторической энциклопедии» под моим именем значатся 25 статей, во втором — 24 (от одной статьи я отказался, поскольку она мне не принадлежала). УИЭ подверглась в печати справедливой критике за «местечковость» (основная часть материалов была по

Среднему Уралу). Помимо этого в ней содержалось большое количество ошибок и опечаток. Я послал в Екатеринбург список замечаний на девяти страницах (только по пермской тематике). Указанные замечания исправили, но благодарности от екатеринбуржцев я не получил. Более того, будучи в Екатеринбурге, попросил у С. Постникова скидку на УИЭ, на что он ответил — издание коммерческое. Возникает логический вопрос: если издание коммерческое, то авторам должны были заплатить за статьи и дать бесплатно экземпляр энциклопедии. Ни того, ни другого пермские авторы не увидели.

Вышли только два выпуска «Материалов...». Деньги членам комиссии местные пермские власти дали лишь однажды. При этом их вручали им втайне от меня.

После смерти Ю. Черных исчезла возможность печатать «Материалы...» в издательстве Пермского политехнического института. В конечном итоге остались двое — В. Светлаков (как член комиссии) и я, как «примкнувший» к комиссии. Светлаков планировал издать третий выпуск, посвященный Великой Отечественной войне. Материал был собран и на этом дело остановилось.

Не смотря на все сложности работы в Пермской комиссии, деятельность в ней стала для меня хорошей школой. Я получил опыт написания статей энциклопедического характера. Позднее его широко использовал при создании «Осинской энциклопедии», энциклопедических справочников «Еловское Прикамье» и «Ножовский край», а также при написании статей для Пермской электронной энциклопедии и «Башкирской энциклопедии».

Н. Ю. БЕРДЮГИНА, А. В. СЛЕПУХИН

Эмилий Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач

Продолжающаяся вот уже в течение семи лет экспедиция «Манси — лесные люди» и поиск экспонатов для нашей этнографической выставки приводят порой к поразительным открытиям, позволяют прикоснуться к страницам жизни удивительных людей.

О докторе Сенкевиче мы узнали совершенно случайно. Поиски сведений о манси привели нас в Областной музей истории медицины. Его бывший директор — Александр Дмитриевич Бальчугов — был участником этнографической экспедиции в Ивдельском районе в 1963 г. Оказалось,